

АНДРЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ АШИХМИН

главный специалист Отдела научных публикаций
Российский государственный исторический архив
аспирант
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-9830-3565; andrey.v.ashikhmin@gmail.com

С. С. УВАРОВ И «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС» В ПОЛИТИКЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРАЕ

Аннотация. На материалах Департамента народного просвещения, Еврейского комитета и личного архива С. С. Уварова рассматриваются проблемы министерской политики по «еврейскому вопросу» в Киевской, Подольской и Волынской губерниях. Исследуются планы преобразований еврейских школ и их практическая реализация – от начала разработки С. С. Уваровым реформы еврейских училищ в 1835 году до утверждения Николаем I положения «О еврейских казенных училищах» в 1844 году. Показано, как проект С. С. Уварова трансформировался в ходе деятельности Еврейского комитета, возглавляемого П. Д. Киселевым, и какое влияние на концепцию министра народного просвещения оказали еврейские просветители. Рассматривая политику С. С. Уварова по «еврейскому вопросу» как отражение доктрины «мягкой силы», автор оценивает школьные проекты министра как полноценную реформу, имевшую серьезные предпосылки, но претерпевшую значительные изменения в ходе обсуждения в Еврейском комитете.

Ключевые слова: С. С. Уваров, Министерство народного просвещения, «еврейский вопрос», Николай I, Юго-Западный край, окраины империи

Для цитирования: Ашихмин А. В. С. С. Уваров и «еврейский вопрос» в политике просвещения в Юго-Западном крае // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 76–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1148

ВВЕДЕНИЕ

«Еврейский вопрос» в эпоху Николая I и его преломление в правительственной политике нередко становились предметом исследований отечественных и зарубежных историков. С разной степенью детализации он освещался в трудах иудаистов дореволюционного и раннесоветского времени: А. В. Белецкого¹, П. С. Марека², С. М. Гинзбурга³, С. М. Дубнова⁴. В новейшее время «еврейский вопрос» (в том числе в контексте политики просвещения) рассматривался западными русистами: М. Станиславски [14], Ц. Виттекер [1], Р. Пайпсом [8], Дж. Д. Клиром [5], Е. Аврутиным [12], Д. Сталюнасом [9]. Из крупных исследований последних десятилетий, в которых изучаемая проблема получила новое осмысление, следует выделить работу А. И. Миллера [7], под редакцией которого вышли книги «Западные окраины Российской империи» [3] и «Понятия о России» [2], с обстоятельными очерками о «еврейском вопросе», а также труды В. Е. Кельнера [4] и И. В. Баркусского⁵.

Глава Министерства народного просвещения С. С. Уваров начал заниматься еврейской проблемой с 1835 года. Как и по многим другим вопросам, касавшимся национального образования на окраинах империи, он был сторонником «мягкой силы», а вовсе не прямолинейным имперцем-русификатором, каким изображается в некоторых современных исследованиях [13]. Однако справедливо будет заметить, что он питал давний интерес к положению евреев в империи вообще: в качестве сенатора он принимал активное участие в разбирательстве «велижского дела» 1823–1835 годов, в ходе которого некоторые евреи г. Велиж Витебской губернии были обвинены в ритуальном убийстве мальчика. В личном фонде Уварова мы находим его развернутое мнение по этому вопросу, а также черновик, в котором он собственноручно систематизировал все сведения об этом уголовном разбирательстве⁶. Из материалов следует, что Уваров принимал активное участие в обсуждении «велижского дела» в статусе сенатора, присутствующего в 5-м (уголовном) департаменте [11: 585]. Р. Пайпс давал

взвешенную оценку позиции министра по «еврейскому вопросу»:

«В отличие от большинства николаевских чиновников, Уваров не испытывал к еврейскому меньшинству неприязни, однако, подобно прочим представителям имперской элиты, он желал, чтобы евреи ассимилировались» [8: 48].

Более того, даже император Николай I, на которого Уваров мог влиять в первые годы управления министерством, не исключал создания высшего училища для евреев в одном из крупных городов Западных губерний⁷.

С. С. УВАРОВ И «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС» В 1830-е ГОДЫ

В 1835 году в канцелярии Департамента народного просвещения стали собираться документы, связанные с образованием для «еврейской нации»⁸. Ц. Виттекер отмечала, что министр настоял на включении «либеральных» пунктов положения 1804 года в новое положение «О евреях» 1835 года: они касались разрешения евреям учиться в любых государственных учебных заведениях, включая университеты [1: 230]. Также он настаивал на свободе от всех ограничений и на получении чина всеми выпускниками университетов иудейского вероисповедания. Вместе с тем, являясь сторонником умеренно-либерального подхода к еврейским школам, в 1834 году Уваров ввел более строгую предварительную цензуру для хасидских книг⁹. Хасидизм он считал сектой, как и многие высшие чиновники, включая П. Д. Киселева. В упомянутом «велижском деле» главную вину сенатор Уваров возлагал на хасидов, «ибо *хасидимы* – не что иное, как раскольники, и, подобно всем отщепенцам, готовы к заблуждениям всякого рода»¹⁰. Одно из пространств высказываний министра на предмет просвещения иудеев в Западном крае содержится в докладной записке Николаю I (1838). В ней он писал о необходимости соединения образования «умственного» и «нравственного» (кредо Уварова, применявшееся им и к полякам, и к столичному студенчеству), и о «твердых началах» (то есть «православии, самодержавии, народности»), которых следует придерживаться при открытии еврейских школ, и об особенном этнополитическом ландшафте Западного края, где «еврейский вопрос» тесно связан с «польским».

«В Западных губерниях, где издавна евреи поселились в наибольшем числе и где невежество поддерживается закоренелыми предрассудками и суевием, приведение в действие предположений правительства требовало особенных соображений с местными обстоятельствами...»,

– так министр, соотнося свои идеи с ожиданиями и представлениями императора, пытался лоббировать программу светского просвещения как «мягкой силы»¹¹.

Весьма интересна его интерпретация «религиозных заблуждений» иудейской общины. Он видел препятствие к просвещению не в иудаизме как таковом, а в его талмудических интерпретациях, принимаемых евреями как божественное откровение от раввинов и меламедов. Иудаизм, имевший распространение в местечках Западного края, министр вполне искренне считал «лжеучением», которое раввины передают общине как завещанное от отцов наследие и которое может быть преодолено только «благотворною силою просвещения»¹². С. М. Гинзбург отмечал, что точка зрения Уварова по этому вопросу едва ли соответствовала действительности, а идея «очищения религиозных понятий» евреев от влияний Талмуда отражала неверно истолкованное желание еврейских просветителей (М. Либиенталя, И. Б. Левинсона, Н. Л. Розенталя и др.) бороться с «раввинизмом»¹³. Под этим термином подразумевалось гипертрофированное обрядово-схоластическое восприятие религии под влиянием позднейшей иудейской богословской литературы. Еврейский просветитель Н. Л. Розенталь в начале 1840-х годов отмечал, что «Талмуд предписывает только религиозное отчуждение еврея от не-евреев», и это отчуждение не относилось к гражданской жизни¹⁴. В начале 1830-х годов борьба с «раввинизмом», но не в интеллектуальном, а в управленческом смысле, понималась как приоритетная задача правительственной политики по «еврейскому вопросу» в Западном крае¹⁵.

Особое внимание министр уделял вопросу домашнего образования иудеев. В отличие от многих столичных администраторов, Уваров понимал, что большинство пунктов положения 1835 года не соблюдается, в особенности это касалось запрета обучаться на дому. Так, Уваров общал министру внутренних дел Д. Н. Блудову, что большинство еврейских школ Белорусского учебного округа устроены «домашним образом»:

«Учитель нанимает квартиру, где и обучает детей в продолжение целого дня, за исключением времени молитв и обеда. Бедным преподается учение в молитвенных домах»¹⁶.

В контексте борьбы с частным и домашним обучением на государственном уровне такая постановка вопроса становилась аргументом в пользу учреждения казенных еврейских училищ, за что и выступал С. С. Уваров. В крайнем случае министр народного просвещения допускал аттестацию еврейских домашних учителей с последующей выдачей им свидетельства

на право преподавания на общеимперских основаниях. С его точки зрения, это могло способствовать сближению евреев «с прочим народонаселением государства и соединить их узами гражданственности и общежития»¹⁷.

Реформа образования для евреев в ведомстве С. С. Уварова развернулась в 1835 году. К этому времени число иудейских детей, обучавшихся в еврейских училищах Западного края, было невелико. В Одесском учебном округе, где было два училища (для мальчиков и для девочек) в общей сложности обучалось 349 человек (из них 289 мальчиков). В Дерптском учебном округе было одно мужское училище, но неизвестно, сколько человек в нем обучалось. В Киевском учебном округе (в Киевской губернии, кроме губернского города, а также в Подольской, Волынской и Черниговской) в 1832 году было 135 частных еврейских училищ, где обучалось до 1,5 тыс. человек¹⁸. В начале реформы Уваров распорядился сохранить все частные еврейские школы при условии их размещения в черте оседлости, запрета обучения в них детей не иудейского вероисповедания, преподавания в них русского языка и государственной аттестации учителей.

В 1836 году попечитель Киевского учебного округа Е. Ф. фон Бадке сообщал министру сведения о наиболее крупных еврейских училищах Волынской губернии: наибольшая их концентрация приходилась на Новоград-Волынский (18 школ), Острог (34 школы), Луцк (25 школ), Дубно (36 школ), Ковель (7 школ)¹⁹. Сведения об училищах в Киевской, Подольской и Черниговской губерниях были собраны только через два года после начала еврейской реформы, в 1837 году. При этом киевский гражданский губернатор сообщал об отсутствии каких-либо частных еврейских училищ в губернии, отметив, что «обучаются еврейские дети читать и писать на еврейском языке домашними учителями из евреев, называемых спекторами»²⁰. Заметим, что администраторы воспринимали коллективное обучение на дому как частное еврейское училище, поэтому не проводили четких границ между «училищем» и обучением у меламеда. Е. Ф. Бадке дополнительно сообщал о еврейских училищах в Кременце (22 школы), в местечке Радзивилове (15 школ), Овручском уезде (44 школы), отметив, что все иудейские школы вверенного ему округа «не имеют прочных оснований». Этот вывод добавлял весомый аргумент в пользу мнения Уварова о необходимости и возможности «огосударствления» еврейской образовательной инфраструктуры не только в Юго-Западных губерниях, но в Западном крае в целом²¹.

В сравнении с густо населенными иудеями губерниями бывшей Речи Посполитой, Черниговщина, также причисленная к Киевскому учебному округу, не изобиловала еврейскими учебными заведениями: в Новгороде-Северском имелась всего одна школа, основанная кагалом; в Нежине частное обучение велось «в 10-ти домах»; в Погаре же проживало только четыре меламеда. Местное начальство сообщало о наличии в г. Чернигове 21 еврейского училища, однако некоторая часть из них не являлась школами, представляя собой частное обучение на дому²².

В отличие от Уварова и фон Бадке, многие местные чиновники были носителями этноконфессиональных предрассудков в отношении проживавших в Подольской и Волынской губерниях евреев. Подольский гражданский губернатор Г. С. Лашкарев в рапортах отмечал, что «евреи беспрестанно стремятся ко злу» и «всякое новое законоположение считают только порабощением»²³. Открытие государственных еврейских училищ по проекту Уварова, с его точки зрения, иудеи должны были «употребить тотчас во зло»²⁴. Таким образом, губернская администрация, в отличие от училищного начальства, не поддерживала проект государственных училищ для евреев, опасаясь, что одновременно с их организацией на нее будет возложена дополнительная ответственность.

В Юго-Западном крае крупные проекты по созданию общеобразовательных училищ имели место уже в 1830-е годы. В 1837 году одесский купец Г. Герценштейн обратился к С. С. Уварову с предложением на собственные деньги открыть по образцу Одесского училища учебные заведения в Каменце-Подольском, Могилеве-на-Днестре, Бердичеве и Умани. Герценштейн, несомненно, принадлежал к сословию маскилов²⁵ и желал «умножить учебные заведения еврейские под управлением образованных евреев», направляя на их содержание все средства с продажи напечатанных в еврейских типографиях книг²⁶. Училища, по-видимому, открыты не были, но план Герценштейна отражал целостную мировоззренческую платформу активно формирующейся просвещенной элиты еврейства.

Таким образом, единственным союзником Уварова в проведении еврейской школьной реформы была немногочисленная светская интеллигенция, в дальнейшем осуществлявшая роль агента Министерства народного просвещения в Западных губерниях. Главным помощником в деле реформы министр избрал Макса Лилиенталя (1815–1882), получившего степень доктора в Мюнхенском университете, в конце 1830-х годов успешно управлявшего Рижским еврейским училищем. Свои проповеди рижского периода

он опубликовал на немецком языке с посвящением С. С. Уварову, демонстрируя полную солидарность с министром в деле еврейской школьной реформы²⁷. Лилиенталь был тесно связан с западноевропейскими еврейскими интеллектуалами – Л. Цунцом, А. Гейгером, Л. Филиппсоном, Д. Луццатто, что позволяло ему активно вести поиск светских учителей для будущих «уваровских» еврейских училищ [14: 70]. Немаловажным фактором избрания Уваровым Лилиенталю в качестве помощника была необходимость пропаганды учебной реформы в европейской печати как либеральной в отношении еврейского населения. На раннем этапе реформы (до 1840 года) это вполне удавалось. В одном из писем влиятельному итальянскому маскилу Д. Луццатто М. Лилиенталь дал преобразованиям такую характеристику:

«Уваров нынче старается предотвратить крах начальных и средних школ наших единоверцев в России и Польше, готовя их, путем культурного развития, к лучшему будущему... Приобщившись к культуре, они получат и свободу, вслед за знаниями – права человека» [1: 231–232].

Как отмечает исследователь жизни и деятельности Лилиенталю И. В. Баркуский, в историографии можно найти противоположные оценки его деятельности:

«Одни обвиняют Лилиенталю в карьеризме и утверждают, будто он, идя на поводу у николаевского правительства, вел российское еврейство к христианизации. Другие же полагают, что в его деятельности наблюдалось стремление облегчить участь евреев черты оседлости и даже привести им равноправие»²⁸.

Рижскую еврейскую школу, возглавляемую Лилиенталем, Уваров считал самым успешным «рассадником просвещения»²⁹.

С. С. УВАРОВ И ПРОЕКТЫ ЕВРЕЙСКИХ ШКОЛ 1840-х ГОДОВ

19 декабря 1840 года Николай I учредил пятый по счету (начиная с 1802 года) Еврейский комитет, получивший официальное название «Комитет для изыскания и определения мер к лучшему устройству евреев» [10: 609]. Его председателем был назначен министр государственных имуществ П. Д. Киселев. В комитет вошли министр внутренних дел А. Г. Строганов, товарищ министра финансов О. П. Вронченко, главноуправляющий II Отделением Собственной е. и. в. канцелярии Д. Н. Блудов, министр статс-секретарь Царства Польского И. Л. Туркул, начальник Главного штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельт и министр народного просвещения С. С. Уваров. За несколько недель до подписания императором указа о создании комитета Кисе-

лев обратился к Уварову с просьбой послать ему все ведомственные «предположения» по вопросу еврейских школ³⁰. Спустя неделю пакет дел был доставлен Киселеву.

В скором времени всем предполагаемым членам комитета была разослана записка «Об устройстве еврейского народа в России», по мнению С. М. Гинзбурга, составленная лично Киселевым или кем-то из его ближайшего окружения и одобренная Николаем I³¹. Записка представляла собой краткий проспект задуманных правительством еврейских реформ, сопровождаемый описаниями религиозного учения иудеев, традиций еврейского самоуправления, особенностей бытового и экономического мышления, а также сравнительными описаниями положения евреев в России и в Австрии, Пруссии, Франции, Северной Америке. Иностранный опыт «преобразования» евреев «к соединению с коренными жителями» был признан успешным. Правительство надеялось, опираясь на европейскую и американскую модели, претворить в жизнь еврейскую реформу в России. П. Д. Киселев определил две главные задачи – «нравственно-религиозное образование еврейского народа» и ликвидация автономных от государства органов управления и финансов (то есть кагалов)³². В этой записке звучала и мысль Уварова о создании сети особых еврейских училищ: «Образование евреев учредить более нравственное, чем ученое, причем обратить особое внимание на обучение евреев русской истории и русскому языку»³³. При обучении предполагалось заменить Талмуд «кратким Катехизисом», приглашать учителей-евреев из Пруссии и Австрии, «огосударствить» мелаamedов. Однако, вооружаясь иногда просвещенной риторикой, Киселев не рассчитывал на мирное приобщение иудеев к государственным училищам. Главный аргумент, почему еврейство должно пойти учиться в казенные школы, был репрессивным: предполагалось, что через 20 лет с момента начала реформы (то есть к 1860 году) еврей не сможет избраться в раввины, мелаamedы или на любую другую общественную должность при отсутствии государственного образования³⁴.

23 января 1841 года Уваров направил записку на имя Киселева, в которой изложил свое видение реформы еврейских училищ³⁵. Она начиналась с преамбулы, в которой министр подчеркнул ненасильственный характер будущей реформы:

«Вопрос об образовании еврейского юношества состоит в близкой связи с большим вопросом о евреях вообще. В течение многих столетий европейские правительства старались разрешить этот вопрос гонением и насильствами всякого рода; впоследствии обратились к мерам кротости и к внушениям здравой логики. Кажется, этот последний период настал и для нас;

народы не истребляются, особенно тот народ, коего новейшая история начинается у подошвы Голгофы; но народы могут быть доведены до самой последней степени морального унижения, и на этой степени настаивают ныне евреев меры, благотворительным правительством принимаемые»³⁶.

Основные положения этой записки Уварова сводились к необходимости создания двух типов еврейских училищ – высших губернских (пять классов) и низших уездных (четыре класса). В высших училищах предполагалось ввести преподавание еврейского, русского и немецкого языков, Закона Божьего (по Ветхому Завету), русской и всеобщей истории, географии, арифметики, геометрии, рисования, черчения, чистописания. Также предполагалось постепенно ввести «технические курсы», то есть элементы профессионального образования. Низшие училища, по замыслу Уварова, должны были ограничиваться преподаванием трех упомянутых языков, Закона Божьего и начальной арифметики. Со временем планировалось перевести преподавание части предметов на русский и немецкий. Первые государственные еврейские школы министр предлагал учредить в Митаве, Вильне, Минске и Житомире.

Проект Уварова был одобрен Еврейским комитетом с некоторыми замечаниями, и уже в феврале 1841 года министр прислал Киселеву смету на создание 30 высших и 116 низших еврейских училищ в 16 губернских и 169 уездных городах³⁷. В Киевском учебном округе (с общим числом детей около 27 тысяч) предполагалось учредить 10 высших и 44 низших еврейских училища (это почти 37 % от общего числа школ края)³⁸. Несмотря на одобрение деятельности Уварова комитетом, некоторые существенные расхождения его концепции со взглядами большинства администраторов все же имелись. В частности, Киселев считал необходимым массово посылать русских (то есть великороссов и малороссов) преподавателей в еврейские училища, игнорируя идею «воспитания» учителей из местной среды, лояльных метрополии. Мягкая кадровая политика Уварова, желавшего постепенно «огосударствить» еврейских учителей, отошла на второй план, не успев дать желаемых результатов.

17 марта 1841 года Уваров представил на высочайшее имя докладную записку «О преобразовании евреев и о мнении по сему предмету за границею»³⁹. В ней он вновь критиковал «раввинизм» и предлагал учредить звание губернских раввинов, зависящих от правительства, а не подчиняющихся кагалам. Он выражал абсолютную уверенность в ученых евреях (маскилах) и еще раз подчеркивал, что именно они являются главными союзниками правительства в деле еврейской реформы. В докладе министр привел

выдержки из переписки Лилиентала с маскилами (Б. Ауэрбахом и Л. Филиппсоном) для усиления аргументации. Изучив доклад, император оставил резолюцию «основания справедливы», а в другие присланные Уваровым документы внес лишь стилистические исправления⁴⁰. Среди прочего Николай I одобрил записку «О преподавании древнего еврейского языка», в которой Уваров настаивал на «реанимации» языка Ветхого Завета с целью противостояния языку талмудических преданий⁴¹. По замыслу министра, образованные евреи должны были возродить иврит и постепенно заместить им бытовую идиш. Также он весьма наивно полагал, что в перспективе евреи и вовсе откажутся от обращения к Талмуду, чего, разумеется, не произошло. В проекте будущих государственных еврейских училищ министр определил главные задачи – постепенно изжить домашнее (с точки зрения метрополии – неконтролируемое) образование; «огосударствить» хедеры и талмуд-торы; сделать из нелояльного сословия раввинов транзиторов интересов метрополии путем воспитания новых, государственных раввинов; создать сеть казенных училищ, которая постепенно через десятилетия вытеснит все частные школы.

С. С. Уваров не мог не осознавать, что в ортодоксальной еврейской среде реформа образования встретит радикальную оппозицию. Уже после первого обсуждения проекта Уварова в Еврейском комитете среди иудейских купцов Западных губерний начали распространяться негативные интерпретации действий правительства в сфере образования. В январе 1841 года глава III отделения А. Х. Бенкендорф доносил П. Д. Киселеву о том, что виленский купец Борух Рудзинский получил от кагала деньги, «чтоб употребить оные для воспрепятствования... намерению правительства на счет просвещения евреев»⁴². Вместе с тем в искренности реформаторских намерений Уварова в этот период сомневаться не приходится. Приглашенный к сотрудничеству М. Лилиенталь вспоминал, что глава ведомства искренне верил в возможность осуществления реформы еврейского образования. Современник писал о диалоге с ним Уварова:

«Министр с искренним прискорбием рисовал бедственное и унижительное положение и в каждой мысли обнаруживал глубокое знание и изучение характера этой нации <...> отдавал честь великой мысли своего монарха и с свойственным ему жаром говорил о благотворных последствиях ее осуществления <...> искреннюю радость сверкало его лицо, когда он раскрывал план преобразования быта евреев посредством учреждения еврейских школ»⁴³.

В 1841 году агент министерства М. Лилиенталь совершил командировку в Вильно

и Минск с целью изучения настроений и мнений по школьному вопросу на местах. Результаты ее были весьма неутешительны и свидетельствовали об отторжении идеи светских училищ ортодоксальным еврейством.

В июле 1842 года Николай I одобрил новую, более обширную командировку Либиенталь в Западный край, которая, с точки зрения Уварова, была крайне необходима для выяснения местных обстоятельств и корректировки имеющихся в ведомстве сведений. Согласно плану Уварова, доктор отправился из столицы в Ригу, далее проехал Митаву, Ковно, Вильно, Минск, Гродно, Белосток, Житомир, Бердичев, Каменец-Подольский, Кишинев, Одессу, Херсон, Умань, Киев, Чернигов, Могилев, Витебск. В инструкции, данной ему Уваровым, значилось:

«Вы объясните евреям, что цель высочайшей воли... состоит в том, чтобы сблизить с общим образованием, приспособить их к жизни гражданской и нравственной, не касаясь, впрочем, нисколько их веры... Вы постараетесь изведать расположение умов к предполагаемому нововведению и узнать, где и от кого именно правительство может ожидать содействия и где в особенности замечен будет дух пререкания»⁴⁴.

Уваров наделял М. Либиенталь функциями агента, вверяя ему обязанность влиять на кагалы через всеми уважаемых евреев. Эта миссия была запланирована на три месяца, но затянулась на полгода. По ее итогам доктор Либиенталь представил обстоятельный отчет, в котором констатировал лояльность евреев Правобережной Украины и чуть меньшую лояльность белорусских евреев⁴⁵. В то же время он предложил министру скорректировать «пропаганду просвещения» путем объяснений практической значимости образования и полностью отказаться от идей христианизации, отстаиваемой Еврейским комитетом.

Эти суждения и идеи Уваров вполне разделял, понимая их практическое значение, но не мог представить их в таком виде ни председателю Еврейского комитета П. Д. Киселеву, ни тем более Николаю I. Сообщив в комитет об общем одобрении евреями Западных губерний школьной реформы (но не уточнив, что одобрение было вынужденным), Уваров желал вынести ее детальное обсуждение на заседание Раввинской комиссии, куда вошли М. Либиенталь, раввин Ицхак Ицхаки из Воложина (миснагид)⁴⁶, раввин Мендель Шнеерсон из Любавичей (хасид), торговец И. Гальперн из Бердичева, директор Одесского еврейского училища Б. Штерн и, собственно, сам министр. Комиссия выглядела институтом якобы всеобщего одобрения еврейством школьной реформы, хотя представителей ортодоксального еврейства в ней было меньшинство.

Раввинская комиссия придерживалась умеренного проекта Уварова, считая необходимым иметь в казенных училищах преподавателей из числа местных евреев и сохранить старые еврейские школы, содержащиеся меламедами. Однако Еврейский комитет выступил за меры, ограничивающие меламедов к получению аттестации на право преподавания. Это было серьезное противоречие, поскольку, как и в случае с польскими училищами в Юго-Западном крае, «природно русских» учителей было попросту негде взять, заместить меламедов было нечем. Это понимал Уваров, но не понимали другие чиновники, ожидавшие быстрого эффекта от реформы.

РЕФОРМА 1844 ГОДА И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Итоговое положение 13 ноября 1844 года «О еврейских казенных училищах»⁴⁷ (такое окончательное название получили еврейские школы, подчинявшиеся министерству) детально описывало их внутреннее устройство. Согласно этому законоположению, начальные училища (1-го разряда), рассчитанные примерно на 100 учеников, подчинялись смотрителям, которые, в свою очередь, подчинялись попечителю учебного округа. Продолжительность обучения в них определялась в два года. Круг преподаваемых дисциплин совпадал с тем, что Уваров ранее описывал в записке от 23 января 1841 года. Училища 2-го разряда, с продолжительностью обучения от трех до пяти лет, получили название реальных, они предназначались для «приспособления юношества к торговому и промышленному состояниям». Отдельное положение предполагало создание раввинских училищ с четырехлетним обучением для подготовки лояльных метрополии раввинов. Директорами этих училищ могли быть назначены только христиане. Все предметы, кроме еврейского и немецкого языков, а также ветхозаветного богословия, преподавались в них на русском.

Эти проекты довольно серьезно разнились с представлениями Уварова о «еврейском вопросе»: начиная с присутствия в них выражений, прямо намекающих на ассимиляцию, и заканчивая декларацией «христианского», с точки зрения иудеев, управления. След Уварова в окончательных проектах 1844 года был менее заметен, и это сильно повредило концепции плавной интеграции. На фоне этого М. Либиенталь серьезно разочаровался в итогах своей работы, наблюдая, что реформа повернулась в сторону религиозно-нравственного воспитания. В 1845 году он уехал в Америку, где стал раввином общины в Нью-Йорке. В том же году он писал в одном из писем:

«Лживы те мотивы, которые выдвигают перед общественным мнением Европы, с целью оправдать су-

ровые мероприятия несправимостью евреев... Евреи должны поклоняться греческому кресту – тогда царь будет удовлетворен, безразлично, будут ли выкресты дурны или хороши»⁴⁸.

Заметим, что своего покровителя разочаровавшийся маскил ни в чем не обвинял. Как отмечал один из мемуаристов, инициатива Лилиентала и его сторонников «привела к результатам малоощутительным и поставила их в непримиримое противоречие с стремлениями еврейской народной массы, усматривавшей в их работе ассимиляторско-реформаторские цели»⁴⁹. Эта оценка достаточно точно определяет различие между первоначальными идеями еврейской школьной реформы и их финальным воплощением.

Казенные еврейские училища начали открываться в 1847 году. В Вильне и Житомире открылись приготовительные классы при раввинских училищах, куда были отданы дети из беднейших семей и некоторые беспризорники (которым вообще было затруднительно получить образование) – 20 и 16 человек соответственно⁵⁰. В одном из докладов императору Уваров заявлял, что успех казенных училищ среди местного населения будет достигнут постепенно, но в этом была изрядная доля административного лукавства. Министр понимал, что нелояльность иудеев будет иметь следствием чувствительное недофинансирование, так как свечной сбор не давал нужного количества средств на содержание и содержание хотя бы десятка училищ в год⁵¹. Иллюстрацией реального положения дел могут служить следующие цифры: в 1848 году в Западном крае (Киевский, Белорусский, Дерптский и Одесский учебные округа) было 4474 «старых» (то есть бывших частных) училища под покровительством министерства, в то время как казенных училищ было открыто не более 15⁵². В отчете по министерству за 1849 год, составленном уже преемником Уварова П. А. Ширинским-Шихматовым, сообщалось о шести открытых училищах и о том, что еще о девяти школах министр «дал распоряжение»⁵³. Результаты начатой С. С. Уваровым реформы не были впечатляющими по ряду ранее названных обстоятельств: в 1855 году, спустя двадцать лет после начала преобразований и восемь лет после открытия первого казенного еврейского училища в России, их было всего 104 (из них два – раввинские). Наибольшее их количество приходилось на Киевский учебный округ – 38 училищ, в которых обучалось 1006 иудеев. Всего же в Западном крае евреев-учащихся (включая девочек, учившихся в двух женских училищах в Вильно) было 3363⁵⁴.

В своей автобиографии, написанной в 1852 году и посвященной сыну, Уваров подвел итог проекту преобразований в области еврей-

ского просвещения следующим образом: «Полагаю, можно добавить, что он прекратился при моей отставке и что от него едва ли осталось несколько обломков»⁵⁵. Столь пессимистическое высказывание не было лишено искренности и подчеркивало глубокие расхождения между умеренным и ассимиляторским подходами в правительственных стратегиях в отношении просвещения еврейского населения. В 1830–1840-х годах эти стратегии не принесли ожидаемого эффекта, несмотря на авторитет и административные усилия С. С. Уварова и его агентов.

Историографические оценки итогов реформы еврейского образования 1830–1840-х годов более или менее однозначны в смысле констатации ее общей неудачи [1: 230–234], [4: 16], [6], [8: 47–48], [14]. При этом персональная роль Уварова оценивается по-разному: в национально-ориентированной историографии она определяется как скорее негативная⁵⁶, между тем в новейших исследованиях историков империи его проект рассматривается как конструктивная концепция интеграции [7]. Мы полагаем ошибочной формулу, констатирующую, что Уваров был «сторонником насильственных реформ культурной жизни евреев как главного пути решения еврейского вопроса»⁵⁷. Более объективной была бы оценка его программы устройства еврейских училищ как полноценной реформы, которая была хорошо проработана и опиралась на идеи предшественников (например, М. М. Сперанского), но претерпела существенные изменения в ходе правительственных обсуждений и вмешательства со стороны Николая I. Так или иначе, среди министров дореформенного времени найдутся лишь единицы, которые воспринимались еврейским обществом как «посредники между царской милостью и избавлением». Именно так об Уварове писал еврейский купец И. Маркус в 1842 году⁵⁸.

ВЫВОДЫ

Еврейская реформа Уварова, пройдя длительную подготовительную стадию (с 1835 по 1844 год), несомненно, была довольно хорошо разработана Министерством народного просвещения, которому с 1842 года было вверено управление всеми без исключения иудейскими учебными заведениями. В ходе длительных дискуссий в Еврейском комитете и Раввинской комиссии был выработан план постепенного приобщения еврейского юношества к светскому просвещению. Как и в случае с «польской проблемой», С. С. Уваров столкнулся с серьезным сопротивлением реформе как со стороны ортодоксального большинства еврейских сообществ, так и со стороны высших администраторов, предпочитавших гораздо более репрессивный путь го-

сударственной унификации институтов еврейского самоуправления и ассимиляции иудейского населения. Реформа Уварова имела объективные последствия как позитивного, так и негативного характера. С одной стороны, с 1830–1840-х годов в среде формирующейся еврейской интеллигенции единственной альтернативой религиозным школам становятся светские училища (таким образом, на интеллектуальном уровне происходит постепенное понимание необратимости пути светского просвещения); с другой – проект казенных еврейских училищ не был реализован и на десятую долю от первоначальных планов министра, а большая часть простых евреев укрепились в мысли, что сотрудничество с метрополией на ее условиях не может закончиться ничем хорошим. Реформа Уварова не оценивалась как успешная ни современниками, ни самим ее идеологом, ни тем более кагалным большинством. Вместе с тем казенные училища стали удобным и необходимым пристанищем для маскилов, испытывавших социальные тяготы в связи с неприятием их традиционалистской средой.

В отличие от чисто административного проекта (такого, например, как создание нового учебного округа), масштабная задача по школьной аккультурации евреев не могла быть решена в короткий срок, учитывая кадровый дефицит, недофинансирование, конфликт вер и культур, внутренние противоречия в стане высших администраторов, прежде всего в самом Еврейском комитете и министерстве. Кадровый

голод более всего препятствовал реформированию училищ, поскольку иностранных учителей-маскилов было немного, а местным администрация не могла вполне доверять. Учителя христианского вероисповедания не могли удовлетворить культурным потребностям иудейских сообществ. Недофинансирование реформы проявлялось в невозможности поставить новые казенные училища в полную зависимость от бюджета. Высшая администрация возлагала большие надежды на свечной сбор, который в полной мере не удовлетворял финансовым запросам ведомства просвещения в отношении еврейских училищ. Культурные противоречия, возникавшие большей частью между евреями кагала и маскилами, усиливались поддержкой последних со стороны чиновников, что отвращало иудейское население Западных губерний от государственных еврейских училищ. Эти противоречия вступили в острую фазу в 1844 году, когда выяснилось, что умеренная риторика Уварова сменилась на вполне ассимиляторский тон, характерный для приближенных Николая I, в результате чего раввинские училища было приказано возглавить гражданским чиновникам («из христиан», что враждебно было воспринято даже маскилами). Важнейшей причиной неуспеха проекта еврейских училищ, зависящих от государства, было искажение первоначальных планов и идей министра народного просвещения в ходе обсуждения в Еврейском комитете и в кабинете Николая I.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Белецкий А. В. Вопрос об образовании русских евреев в царствование императора Николая I. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1894. 160 с.
- ² Марек П. С. Очерки по истории просвещения евреев в России: (Два воспитания). М.: О-во распространения правильных сведений о евреях и еврействе, 1909. 289 с.
- ³ Гинзбург С. М. Русское правительство и вопрос об образовании евреев в первой половине XIX века // Казенные еврейские училища. Т. I. Пб.: Вторая гос. тип., 1920. С. VII–LXXII.
- ⁴ Dubnow S. W. History of the Jews in Russia and Poland: From the earliest times until the present day. Vol. II. Philadelphia: The Jewish publication society of America, 1918. 429 p.
- ⁵ Баркусский И. В. Немецкий представитель еврейского просвещения Макс Лилиенталь и его деятельность в России (1837–1845 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 24 с.
- ⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 54. Л. 47–50, 51–51 об.
- ⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 38. Л. 169.
- ⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 7. Д. 135.
- ⁹ Марек П. С. Очерки по истории просвещения евреев в России... С. 26.
- ¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 54. Л. 48 об.–49.
- ¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 97. Д. 7. Л. 6 об.
- ¹² Там же. Л. 8.
- ¹³ Гинзбург С. М. Русское правительство и вопрос об образовании евреев в первой половине XIX века... С. XLVIII.
- ¹⁴ Казенные еврейские училища / Под ред. С. Г. Лозинского. Т. I. Пб.: Вторая гос. тип., 1920. С. 84.
- ¹⁵ О состоянии в Западных губерниях евреев и о скорейшем окончании занятий Еврейского комитета. 26 октября 1831 г. // Журналы Комитета Западных губерний / Изд. подгот. Т. В. Андреева, И. Н. Вибе, Б. П. Миловидов, Д. Н. Шилов. Т. 1: 1831–1835 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 114.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 7. Д. 135. Л. 21 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 25 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 32–34 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 73–73 об.

- ²⁰ Там же. Л. 131–131 об. Спектор (польск. *szpektor* – инспектор) – помощник меламеда, то есть домашнего учителя, на территории «губерний, от Польши возвращенных». В некоторых документах так назван домашний учитель, иначе говоря, столичные администраторы нередко путали спекторов и меламедов.
- ²¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 7. Д. 135. Л. 132–133.
- ²² Там же. Л. 134–136.
- ²³ Там же. Л. 341–341 об.
- ²⁴ Там же. Л. 343 об.
- ²⁵ Маскилы в своем большинстве являлись сторонниками идей еврейско-немецкого просветителя М. Мендельсона, основоположника хаскалы (еврейского просвещения).
- ²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 97. Д. 1. Л. 29–32.
- ²⁷ Краткая еврейская энциклопедия. Т. 4: Кабак – Лютер. Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, 1988. Стб. 845.
- ²⁸ Баркусский И. В. Немецкий представитель еврейского просвещения Макс Лилиенталь и его деятельность в России (1837–1845 гг.)... С. 10.
- ²⁹ Министр ссылался на донесение профессора Дерптского университета М. П. Розберга в своей записке от 23 января 1840 г. См.: РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 3 а. Л. 20–20 об.
- ³⁰ РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 2 а. Л. 31–32.
- ³¹ Там же. Л. 44–81 об.
- ³² Там же. Л. 70.
- ³³ Там же. Л. 71 об.
- ³⁴ Примерно такой же логикой руководствовало австрийское правительство, запретившее заключать браки евреям, не получившим государственное образование. См.: РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 2 а. Л. 73.
- ³⁵ РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 3 а. Л. 11–26.
- ³⁶ Там же. Л. 11.
- ³⁷ Гинзбург С. М. Русское правительство и вопрос об образовании евреев в первой половине XIX века... С. LIII.
- ³⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 97. Д. 13. Л. 110.
- ³⁹ Там же. Л. 119–126.
- ⁴⁰ Там же. Л. 118–118 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 141–142 об.
- ⁴² РГИА. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 3 а. Л. 31–31 об.
- ⁴³ Вопросы еврейской жизни. Собрание статей М. Г. Моргулиса. СПб.: Типо-литография А. Е. Ландау, 1889. С. 16–17.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 97. Д. 42. Л. 5.
- ⁴⁵ Там же. Л. 109–131 об.
- ⁴⁶ Миснагиды (ивр. «противящиеся») – ортодоксальное течение в иудаизме, находившееся в оппозиции к хасидизму.
- ⁴⁷ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 2. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1876. Стб. 538.
- ⁴⁸ Гинзбург С. М. Русское правительство и вопрос об образовании евреев в первой половине XIX века... С. LXXI.
- ⁴⁹ Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней // Евреи в России: XIX век. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 363.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 29. Л. 98 об.
- ⁵¹ Там же. Л. 100 об.
- ⁵² РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 31. Л. 121 об.–123.
- ⁵³ РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 33. Л. 74–74 об.
- ⁵⁴ Белецкий А. В. Вопрос об образовании русских евреев в царствование императора Николая I... С. 147.
- ⁵⁵ Шевченко М. М. Опыт автобиографии Сергея Уварова. 1852 // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 317.
- ⁵⁶ Dubnow S. W. History of the Jews in Russia and Poland: From the earliest times until the present day. Vol. II...
- ⁵⁷ Евреи в России: XIX век. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 554.
- ⁵⁸ РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Д. 293 б. Л. 611 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. 350 с.
2. Гольдин С. Еврей как понятие в истории имперской России // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 340–391.
3. Евреи в Российской империи (1772–1917) // Западные окраины Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 301–341.
4. Кельнер В. Е. Евреи, которые жили в России // Евреи в России: XIX век. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 5–26.
5. Клиер Дж. Д. Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. М.: Мосты культуры, 2000. 351 с.
6. Мамкина И. Н. Организационные основы еврейского образования в Российской империи в первой половине XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: «История». 2022. Т. 42. С. 58–66.
7. Миллер А. И. Империя Романовых и евреи // Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 98–146.

8. Пайпс Р. Сергей Семенович Уваров: жизнеописание. М.: Посев, 2013. 84 с.
9. Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 376 с.
10. Шилов Д. Н. Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. Т. 1. СПб.: Нестор-История, 2024. 812 с.
11. Шилов Д. Н. Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. Т. 2. СПб.: Нестор-История, 2024. 760 с.
12. Avrutin E. M. Jews and the imperial state. Identification politics in tsarist Russia. Ithaca; London: Cornell University Press, 2010. 232 p.
13. Chamberlain L. Ministry of Darkness. How Sergei Uvarov created conservative modern Russia. London; New York: Bloomsbury Academic, 2020. 328 p.
14. Stanislawski M. Tsar Nicholas I and the Jews: The transformation of Jewish Society in Russia. 1825–1855. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1983. 246 p.

Поступила в редакцию 09.12.2024; принята к публикации 27.01.2025

Original article

Andrey V. Ashikhmin, Chief Specialist, Russian State Historical Archive, Postgraduate Student, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-9830-3565; andrey.v.ashikhmin@gmail.com

COUNT SERGEY UVAROV AND THE “JEWISH QUESTION” IN THE EDUCATION POLICY OF THE SOUTHWESTERN REGION

Abstract. This article examines the issues of ministerial policy regarding the “Jewish question” in the Kiev, Podolsk, and Volyn Provinces, based on materials from the Department of Public Education, the Jewish Committee, and the personal archives of Count Sergey Uvarov. It examines the plans for transforming Jewish schools and their implementation, from Uvarov’s initial development of the reform of Jewish schools in 1835 to Nicholas I’s approval of the regulation “On Jewish State Schools” in 1844. The article shows how Uvarov’s project evolved within the framework of activities of the Jewish Committee led by Pavel Kiselyov, and how Jewish educators influenced the concept of the Minister of Public Education. The author evaluates Uvarov’s policy on the “Jewish question” within the context of the soft power doctrine, and considers his school projects as a full-fledged reform with serious prerequisites that underwent significant changes while being discussed by the Jewish Committee.

Keywords: Sergey Uvarov, Ministry of Public Education, “Jewish question”, Nicholas I, Southwestern Region, periphery of Empire

For citation: Ashikhmin, A. V. Count Sergey Uvarov and the “Jewish question” in the education policy of the Southwestern Region. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(2):76–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1148

REFERENCES

1. Whittaker, C. H. Count Sergey Semyonovich Uvarov and his time. St. Petersburg, 1999. 350 p. (In Russ.)
2. Goldin, S. The Jew as a concept in the history of imperial Russia. *“Concepts of Russia”. More on the historical semantics of the imperial period*. Vol. II. Moscow, 2012. P. 340–391. (In Russ.)
3. Jews in the Russian Empire (1772–1917). *The Western provinces of the Russian Empire*. Moscow, 2006. P. 301–341. (In Russ.)
4. Kelner, V. E. Jews who lived in Russia. *Jews in Russia: the XIX century*. Moscow, 2024. P. 5–26. (In Russ.)
5. Klier, J. D. Russia gathers her Jews. The origins of the Jewish question in Russia: 1772–1825. Moscow, 2000. 351 p. (In Russ.)
6. Mamkina, I. N. Organizational foundations of Jewish education in the Russian Empire in the first half of the 19th century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series “History”*. 2022;42:58–66. (In Russ.)
7. Miller, A. I. The Romanov Empire and Jews. *Miller, A. I. The Romanov Empire and nationalism: Essays on the methodology of historical research*. Moscow, 2008. P. 98–146. (In Russ.)
8. Pipes, R. Sergey Semyonovich Uvarov: biography. Moscow, 2013. 84 p. (In Russ.)
9. Staliunas, D. Poland or Russia? Lithuania as part of the Russian Empire. Moscow, 2022. 376 p. (In Russ.)
10. Shilov, D. N. Heads of higher and central state institutions of the Russian Empire. 1802–1917: biobibliographical reference book. Vol. 1. St. Petersburg, 2024. 812 p. (In Russ.)
11. Shilov, D. N. Heads of the highest and central state institutions of the Russian Empire. 1802–1917: Biobibliographical reference book. Vol. 2. St. Petersburg, 2024. 760 p. (In Russ.)
12. Avrutin, E. M. Jews and the imperial state. Identification politics in tsarist Russia. Ithaca; London, 2010. 232 p.
13. Chamberlain, L. Ministry of Darkness. How Sergei Uvarov created conservative modern Russia. London; New York, 2020. 328 p.
14. Stanislawski, M. Tsar Nicholas I and the Jews: The transformation of Jewish Society in Russia. 1825–1855. Philadelphia, 1983. 246 p.

Received: 9 December 2024; accepted: 27 January 2025